

КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИКИ И КРИЗИС ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

(По поводу фарадеевских торжеств)

Р. Черницкая

„Суть кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом“

(Ленин, т. XIII, стр. 211.)

Ленинская оценка кризиса физики как нельзя более соответствует настоящему положению вещей, с той разницей, что сейчас процесс смены материалистических воззрений идеалистическими происходит не только в физике, но и во всех областях науки, и протекает с большей интенсивностью и глубиной, отражая всеобщий развал и кризис современной капиталистической системы.

Представители буржуазной науки выступают в общем хоре идеологов и защитников капиталистического порядка, осуществляя на деле тот союз „теологов и профессоров“, о котором в свое время писал Ленин и который полностью подтверждает классовую сущность современной науки.

Интересно отметить, что всеобщая волна идеализма и религиозного мистицизма захватывает даже таких представителей науки, которые до сих пор, казалось, твердо стояли на стихийно материалистических позициях. Так, известный физик Макс Планк, в свое время боровшийся с махистским течением в физике с точки зрения материалиста, хотя и далеко не последовательного, антидиалектического, в своей новогодней статье в 1931 г. писал: „Вера и наука могут хорошо ужиться между собою, наконец, наука невозможна без веры. Вера нам нужна, мы ее ищем. Нужно что-то спокойное, что поддерживало бы нас в этом пестром хаосе повседневной жизни, на что мы могли бы опереться“.

В этих немногих словах, как в капле воды, отражаются

те социально-классовые сдвиги, которые происходят сейчас в буржуазной науке на фоне всеобщего развала и кризиса капитализма; если у большей части ученых эти сдвиги выражаются в законченном реакционном мировоззрении, в приспособлении своей идеологии для защиты капиталистического строя перед лицом угрожающей революции, то у ученых типа Планка это находит себе выражение в определенном стремлении укрыться от „хаоса современного общества“, найти прибежище от революционных бурь в тихой пристани веры и религии. Не владеющие методом диалектического материализма ученые этого типа поддаются влиянию той социально-классовой обстановки, которая их окружает, и постепенно от материализма попадают в объятия религиозной мистики.

А что же сказать о тех представителях науки, которые всегда были заражены обычным предрассудком „образованного мещанства“ против материализма и для которых материализм в их теории являлся ненужным, стесняющим привесом? Критикуя материализм за его „догматизм“ и „ненаучность“, представители современной науки за немногими исключениями сознательно игнорируют теорию диалектического материализма, теорию, которая не только дает плодотворные результаты при ее применении в различных областях науки, не только осмысливает и освещает накопленный фактический материал, но является одновременно руководством к действию революционного пролетариата.

Происходившие в конце сентября прошлого года в Лондоне фарадеевские торжества, совпавшие по времени с празднованием столетия Британской ассоциации наук, иллюстрируют этот процесс всеобщего кризиса естествознания, связанного с общеэкономическим кризисом. Влияние этого общеэкономического кризиса на общее направление научных устремлений наиболее полно нашло отражение в речи вновь избранного президента Британской ассоциации наук генерала Смутса, выступившего на торжественном заседании при открытии торжеств с большой программной речью. Любопытна фигура самого президента в изображении одного из корреспондентов английского научного журнала. Герой англо-бурской кампании, бывший министр южно-африканских колоний, генерал Смутс сочетал в себе черты „храброго“ воина и „мудрого“ философа. К речи президента прислушивались,—по словам того же корреспондента,—затаив дыхание от восторга, все участники торжественного заседания. Еще бы! В лице генерала Смутса буржуазия нашла лучшего выразителя своих идеалов.

Интересно, каким образом связывает генерал Смутс задачи науки с разрешением общеэкономического кризиса.

Наука, по мнению Смутса, должна в трудные для страны минуты, как это было уже и после периода наполеоновских войн, когда Англия испытывала ряд затруднений, притти на помощь своими научными достижениями. „В темнейший час перед рассветом наука выступает вперед как свежее подкрепление, как новый фактор в экономической реконструкции мира“ (цитировано по специальной корреспонденции журнала „Discovery“, № 143, стр. 361). После этого можно ли еще говорить о какой-то чистой, надклассовой науке, чуждой каких бы то ни было практических устремлений, как это обычно не устают повторять буржуазные ученые всего мира? В словах генерала Смутса можно видеть определенное стремление подчинить теорию задачам, выдвигаемым практикой капиталистического строя.

Но генерал Смуте не ограничивает науку ролью лишь скромной помощницы страны в момент ее экономических затруднений: внимание его направлено туда, к СССР, где, по его словам, совершается в настоящее время „величайшая трагедия мира“, которая пробила брешь в до сих пор благополучно процветающем буржуазном мире. Генерал Смуте призывает представителей науки и с ними все мыслящее человечество к тому, чтобы закрыть эту ужасную брешь и „спасти цивилизацию от угрожающей ей гибели и разложения“. Этим, полным интервенционистского пыла, словам генерала Смутса не требуется особых комментариев.

Контрреволюционному призыву генерала Смутса соответствует и его философская установка. По Смутсу, все достижения современной науки, все новейшие открытия последнего времени служат лишь для подтверждения „реальности духовных сил“. Творчество Разума, а не грубое материальное вещество,— вот что, по Смутсу, лежит в основе вселенной. Творчеством Разума и им лишь одним объясняется все многообразие существующей действительности. Разум есть не более, не менее, как „божественное око, которым вселенная распознает и рассматривает себя“.

Возврат к старой монаде лейбницевской философии выдается здесь Смутсом за последнее достижение научной теории. „Разум, творящий вселенную, создающий одновременно и понятия о ней, есть божество, и отсюда ясно вытекает, что предмет науки должен быть тот же, что... и религии“.

„Недаром наука,—говорит Смуте,—в наши дни является чистейшим откровением бога!“

Существующий до сих пор отрыв науки и религии с точки зрения Смутса является ненормальным и должен быть пажит в будущем.

Вся эта галиматья и ничем неприкрытая поповщина произнесена была на собрании крупнейших и виднейших

представителей науки всего мира от лица такой организации, как Британская ассоциация наук.

В пределах данной статьи, к сожалению, нельзя во всех деталях разобрать содержание той „научной“ теории, которая представлена была Смутсом в его президентской речи. Основная, наиболее характерная черта этой теории целостности — „голизма“, признающей основным принципом развития принцип формы, организации, целостности, и является ее глубоко антиматериалистической сущностью. В самом деле, из формы как принципа целого здесь выхлещивается ее материальная сущность: „материально-подобная сущность, — говорит Смутс, — исчезает и заменяется формами протяжения времени, природа которых зависит от организаций“.

С точки зрения теории голизма мы имеем последовательное для этой теории провозглашение Разума как основы всего существующего мира, ибо в нем, в Разуме, как раз этот принцип целостности полностью и осуществлен.

Идеалистическая трактовка явлений у Смутса идет по линии разрыва живого органического мира от остальной действительности, таким образом, что между органическим и неорганическим миром нельзя перебросить никакого соединяющего их моста; если эволюция вселенной идет по нисходящей линии и здесь полностью торжествует победу второй принцип термодинамики, то в вопросах жизни, говорит Смутс, мы имеем непрерывный рост кривой вверх к неограниченному господству. Указанный разрыв Смутс проводит настолько далеко, что разрывает единое понятие времени как отражение объективно существующего времени на две части. В процессах физических явлений понятие протяжения времени не определено, по своему направлению оно может быть, подобно пространству, и положительным и отрицательным, т. е. протекать в обоих направлениях; что же касается времени органической эволюции, то здесь оно указывает определенные направления вперед, от прошлого к будущему. Таким образом космическая эволюция и биологическая движутся, по Смутсу, в противоположных направлениях; жизнь и Разум, подобно фениксу из пепла, появляются как продукты распада мировой материи, как „род болезни умирающей материи“.

Для чего понадобился Смутсу этот ничем не оправдаваемый в его теории разрыв единого понятия времени в применении к двум областям одной и той же действительности? Для чего понадобился ему процесс эволюции в органическом и неорганическом мире в двух друг другу противоположных направлениях?

Для того лишь, чтобы сильнее подчеркнуть роль божь-

ства и его способность творить живые существа из отбросов мировой материи. Ведь генералу Смутсу во что бы то ни стало нужно оправдать доверие буржуазии, выполнить ее социальный заказ, найти во что бы то ни стало и какой бы то ни было цепой оправдание существующего общественного порядка, творимого и поддерживаемого самим господом богом, а заодно разделаться и с идеологией смертельного врага буржуазии—с идеологией революционного пролетариата.

Если с точки зрения диалектического материализма жизнь, живое появляется как свойство высокоорганизованной материи, достаточно усложнившейся и дифференцированной, у Смутса жизнь появляется на обломках, на развалинах мировой материи, появляется как „страдание ее“. Отсюда естественно сделать вывод, который и делает Смутс, о том, что „жизнь и Разум более важны, чем их материальная сущность“. Отсюда, как законное следствие из всего сказанного, материализм у Смутса рисуется как „устаревшая система, вынужденная сейчас уйти со сцены и уступить место более молодым, более научным теориям“. Понаучность теории Смутса для нас, после всего изложенного, не вызывает никакого сомнения. Что же касается ее молодости, то если считать обрывки философии Лейбница, приправленные религиозным мистицизмом, современной философией, тогда Смутс действительно прав.

Здесь излишне будет вспоминать кое-что из прошлого самой Британской ассоциации наук, от имени которой выступает Смутс. Вот один из таких эпизодов, приведенный Лениным в его „Материализме и эмпириокритицизме“.

В 1901 г. на съезде естествоиспытателей в Глазго тогдашний президент ассоциации проф. Риккер свою президентскую речь посвятил оценке разброда среди физиков, явившегося следствием открытия радиоактивности, электронного строения материи и др. Под влиянием этих открытий, наносивших удар всем до сих пор существующим научным представлениям, у известной части физиков, не умеющих диалектически подходить к объяснению процессов действительности, появляется сомнение в реальности существования атомов, молекул и сомнение в объективной значимости каких бы то ни было научных теорий вообще. Как реагировал на это настроение Риккер? Вот подлинные его слова, которые преводит Ленин в своем, уже указанном, произведении:

„Можно согласиться с тем, что мы не составили еще себе вполне цельной картины ни о природе атомов, ни о природе эфира, в котором они существуют, но я пытался показать, что, несмотря на приблизительный (буквально:

щущающий) характер наших теорий, несмотря на многие частные затруднения, теория атомов... в главных основах верна, что атомы не только вспомогательные понятия для математиков, но и физические реальности" (Ленин, т. XIII, стр. 226).

Ленин подчеркивает, что идеалист и кантпаец Риккер вынужден защитить стихийно-материалистическую позицию в науке от той опасности, которая ей грозила со стороны идеализма и поповщины.

А вот и другой эпизод из жизни той же Британской ассоциации, рисующий ее как один из центров наиболее передовой научной мысли. По поводу присуждения Оксфордским университетом почетной степени некоторым членам ассоциации (Фарадею, Дальтону и др.) виднейший представитель мракобесия и самой неприкрытой реакции в стенах университета, некий Джон Кебль, писал: „Оксфордские доктора позорно поддались духу времени, оказывая теплый прием этой кучке философов“. В презрительных словах Кебля, направленных против Британской ассоциации наук в целом со стороны оголтелого представителя поповщины, заключается лучшая похвала значению и роли ассоциации в прошлом. Одновременно эти же слова как бы подчеркивают ту эволюцию, которую проделала Британская ассоциация наук за истекшие столетия, избравшая своим руководителем генерала Смутса. А как продолжает славные традиции прошлого ассоциации ее вновь избранный президент,—можно судить уже по тому немногому, что приводилось здесь из его президентской речи.

Для полноты оценки характера происходящих торжеств следует несколько остановиться на дискуссии, организованной физической секцией ассоциации для широкой публики, посвященной вопросам космической эволюции вселенной.

Чрезвычайно характерно отметить, что, несмотря на участие в диспуте ряда крупнейших представителей науки, какими являются Эддингтон, Милликен, Джинс и др., обнаружилось полное бессилие современной науки не только дать ответ на ряд выдвинутых в процессе дискуссии вопросов, но даже указать путь, по которому должна идти наука в дальнейшем при разрешении поставленных вопросов. В этом смысле интересно признание проф. Борна, участника этих торжеств, в корреспонденции, которую он дает по поводу торжеств в целом и дискуссии в частности. Проф. Борн вынужден констатировать, что единственное познание в физике в настоящий момент заключается в том, что она на кажущиеся такими простыми вопросы, как, на-

пример, вопрос об одновременном определении места и скорости электрона, принципиально не может дать никакого ответа. Наука бессильна ответить на такие волнующие и научный мир и широкую общественность вопросы, какими являются вопросы космической эволюции; на помощь науке приходит религия. В дискуссии мы имеем выступление бирмингемского епископа Барнеса, а также того же генерала Смутса. Как подходят они к разрешению вопросов космической эволюции? Прежде всего наука, по их мнению, не способна дать вразумительный ответ, хотя бы потому, что она стоит на почве лишь своих законов и не принимает во внимание те „высокие области“, где царит Управление и Разум. Вместо слепой необходимости, которая делает самое жизнь продуктом какой-то случайной причины, опошляющей жизнь, нужно принять во внимание царящий в природе Разум; даже во вновь открытых материальных частицах волн,—подчеркивает епископ Барнес,—мы видим этот Разум как определяющий и указывающий дорогу материальным частицам. Отсюда ясен вывод, что только Разум, только Идея важны для понимания вселенной и ее развития, материальное же содержание вселенной—ничто. В приведенных словах мы видим подтверждение ленинского положения о том, как, пользуясь затруднениями науки, религия спешит использовать их для приспособления и обоснования своих интересов. Интересно отметить в этой связи замечание физика Рей, которого отнюдь нельзя считать защитником диалектического материализма: „На общий дух современной физики (махистской Р. У.) стремится опереться фидейстское и антиинтеллектуалистское движение“ (Рей, „Теория физики у современных физиков“).

Но то, что намечалось в виде тенденции в то время, то сейчас, на фоне сплочения всех идеологических сил на защиту буржуазного порядка, выступает наиболее ярко и выпукло.

Итак, в торжественные дни праздника научной мысли, собравшие весь цвет научного мира, мы можем отметить как последнее достижение научной мысли веру в творца, отрицание за материализмом значения научной теории, неспособность науки ответить на основные научные проблемы, все более укрепляющийся союз отдельных представителей науки с религией, и все это на общей классовой базе ненависти к строящемуся социализму. Одновременно весь характер этих празднеств подтверждает анализ сути кризиса естествознания, который блестяще был дан Лениным в его „Материализме и эмпириокритицизме“, где так ярко показана классовая суть кризиса естествознания

и где Ленин на ряде примеров показывает, как всякий поворот от материализма к идеализму в науке используется буржуазной реакцией в своих классовых интересах.

Нужно ли из всего сказанного делать вывод о всеобщем развале и распаде науки, вывод о том, что мы немедленно, сейчас же должны отбросить все, что дает нам научная мысль Запада?

Такой вывод ни в какой мере не был бы правильным и отвлекал бы вопрос от основной сути его; а суть заключается в том, что без усвоения метода диалектического материализма не может быть построена ни одна научная теория, претендующая на наиболее полное, наиболее верное отражение действительности. Задача научной мысли у нас — суметь на базе диалектического материализма переработать весь тот накопленный научный материал, который без этого метода является мертвым, неоплодотворенным, суметь переработать и двинуть науку по пути дальнейшего ее развития.

„Задача марксистов — суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“, и суметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов“ (Ленин).